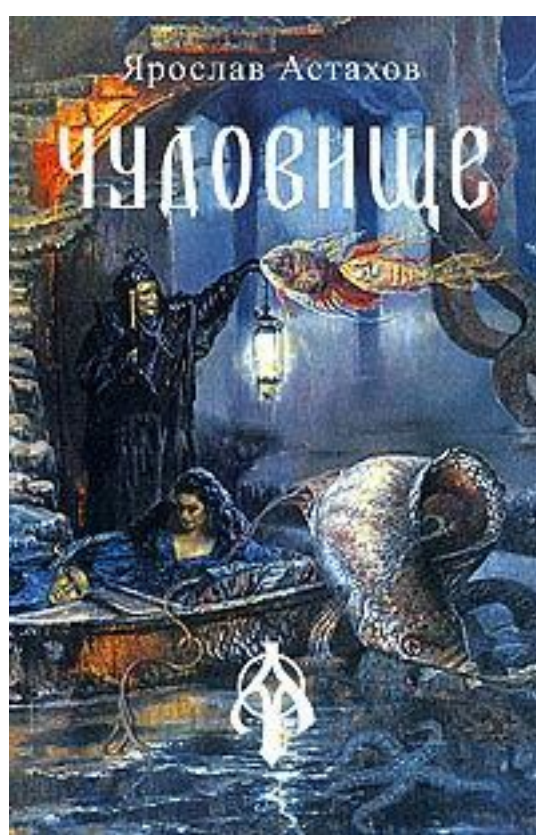

Ярослав Астахов

ЧУДОВИЩЕ

Чудовище

Ярослав Астахов

Чудовище

«Автор»

1993

Астахов Я.

Чудовище / Я. Астахов — «Автор», 1993 — (Чудовище)

Мистический детектив. Кому и каких чудовищ надлежит опасаться больше? Врагов или друзей? Населяющих внешний или внутренний мир? Приобретая текст повести, вы сможете составить представление об одноименном сборнике Астахова в целом.

© Астахов Я., 1993

© Автор, 1993

Ярослав Астахов

Чудовище

Изнанку этой истории рассказал мой друг. Ее лицевую сторону освещала пресса, хотя и довольно скупо: явив набор телеграфных штампов, стандартный для нестандартных случаев. Но это было весьма немало для тех времен. Достаточно, чтобы на слуху стало имя человека, о котором пойдет здесь речь.

Талантливый художник, он мог бы обрести славу кистью, а не в результате роли в кровавой драме.

Но та и другая слава, увы, нередко гуляют об руку по этой земле...

Художник этот был родственник моего друга. Не только близкий по крови – друг мой принимал к сердцу все, касающееся его души, его жизни. Поэтому история потрясла его. И до сих пор он перечитывает со слезами на глазах некоторые письма, с ней связанные.

И даже он предпринял самостоятельное расследование, не удовлетворившись результатом официального. Была ли от сего польза? Трудно сказать. Мой друг обнаружил факты, которые ускользнули от внимания государственных органов. Или на которые, может быть, сознательно закрыли глаза. По соображениям незамысловатым и... не делающим особой чести.

Но безусловный вывод оказался все равно лишь один: история не из тех, которые позволяют надеяться объяснить *всё*.

Впрочем, родилась *версия*.

Что представляет она собой? Друг мой сопоставил открытые им нюансы – и факты общеизвестные. И у него сложилась концепция... некоторая гипотеза происшедшего. Она мне кажется глубже официальной. И она ближе к истине, вероятно, хотя и обязательно вызовет недоверие лиц, предпочитающих подход сугубо рационалистический.

Написанное ниже есть изложение сей гипотезы. События принадлежат недавнему еще прошлому, и действующим лицам я дал иные имена, чем в действительности. А также опускаю географические названия. История повлекла и так немало переживаний, и не имеет смысла причинять кому-либо дополнительное беспокойство.

Но суть свершившегося, мне думается, не должна быть замолчана.

Хотя бы надежды ради предостеречь людей, чье непомерно доверчивое, или, наоборот, безумно пренебрежительное обращение с Неизвестным готовит и для них итог столь же мрачный.

1

Поселок на берегу холодного моря являл собою, что называется, забытое Богом место. А к середине семидесятых годов XX века его практически выпустила из внимания также и советская власть. Единственный представитель закона – участковый инспектор, сержант – посещал удаленное селение хорошо, если раз в три месяца. Что было вполне понятно: добраться без проблем в эту глушь позволял ему, единственно, вертолет. Вот именно этим транспортом и пользовался сержант, подгадывая оказию.

Присутствие живьем власти, впрочем, не особо требовалось. Немногочисленное местное население придерживалось в основном древних, исконных своих обычаев. Не очень хорошо понимая, что, собственно, представляет собой «закон», а значит и не стремясь его особенно нарушать.

Поселок не был отрезан, впрочем, уж вовсе от всякой цивилизации. В нем размещалась школа, и коренные жители этим весьма гордились. Хотя такое их чувство могло существовать лишь при закрытых глазах на то, что в школе ощущалась хроническая нехватка учителей.

И вот однажды недостаток сей был восполнен.

Вдруг в этакую дыру заявился преподавать математику выпускник столичного института.

Деяния подобного рода, вы согласитесь, выглядят весьма странно. Да только он ведь и вообще был особой личностью, этот молодой человек, явивший любовь к тому, что на официальном языке тех времен именовалось энергичным словом *периферия*.

Он чуть прихрамывал. Глаза у него были небольшие и они жались, будто стыдливо, по сторонам его широкой выпуклой переносицы. Но это было обманчивое впечатление, что стыдливо. В определенные мгновенья згляд этих глаз – немигающих и почти бесцветных – вдруг вспыхивал пронизывающе и цепко. А в следующий миг погасал, оказываясь невыразительным, ускользающим... И даже приходило невольно подмечающему такое сравнение в готическом стиле, слегка тревожащее: зверь прыгнул из засады и сразу скрылся, убегая с добычей...

В глухом поселке чего только не болтали об этом новеньком. Что будто бы преподавательская работа, на самом деле, ему не в радость. Что, будучи еще студентом, он сделал какое-то выдающееся изобретение, да не дали ему хода. И молодой человек обиделся. И не единственная была то его обида: заканчивал новомодный кибернетический факультет – надеялся, что оставят на кафедре... а был распределен в школу. И вроде как тогда и сочинил заявление, что не в столичной школе он желает служить, а героически намерен преподавать в глубинке, где-нибудь в Приполярье. Как будто бы стремился этим доказать что-то. Или же кого-нибудь устыдить... кто поймет?

Оригинальное было у него имя: *Альфий*.

Ученики его недолюбливали. Дразнили и «доставали» всячески, и не так беззлобно, как это обыкновенно подначивают подростки учителей.

Хотя по внешнему виду, впрочем, ничто особенно и не выбивалось за рамки тривиальных подколок.

Но, тем не менее, взгляд преподавателя, когда останавливался на шалуне-обидчике, был серьезен. И словно этот взгляд говорил: *язаномню*.

Да, к Альфию не пылали симпатией. Но полного единодушия в этом, однако, не наблюдалось. Была одна восьмиклассница... Суэ ни. (Надеюсь, это начертание правильно передает местное, непривычное слуху имя.) Когда заходила речь о новом учителе, от нее – единственной – можно было услышать: «он же не виноват, что хромым».

И если случалось так, что урок Суэни у Альфия был последним, учитель провожал ее до дому. И они шли под руку. И Альфий преображался. И даже неприятная хромота его становилась размеренной и значительной, словно бы специально подчеркивающей особость его персоны. Преподаватель обретал вид надменный, и получалось, что будто б не Суэни разделяет общество его лишь затем, чтобы он не чувствовал себя вовсе уж одиноко, а все наоборот: это он, Альфий, ей снисходительно позволяет.

Случалось, заходил учитель к девушке и домой, и они беседовали. Родственники Суэни говорили, что, вроде бы, математик обучает ее сверх программы какой-то еще науке, и весьма сложной.

Какой же именно? Обрывки случайных фраз, которые доводилось слышать родственникам, не позволяли понять определенного ничего. Да и не особо интересовались ее родные

относительно всяческой премудрости, ибо не великие были они охотники напрягать ум. Пусть учит. Ведь он же ее учитель, образование у него высшее, да к тому же еще столичное. Ему виднее, как надо.

Родители Суэни приглашали Альфия иногда к семейному своему столу. Пили чай, заваренный по обычаю здешних мест с листиками брусники. В который раз перетряхивали немудреные новости... Учитель отвечал односложно, более молчал, думая о своем.

Но если откупоривали вино, случалось, он оживлялся. И даже начинал управлять сам течением застольной беседы. И говорил тогда много, и темны становились его слова... Но неизменно получалось так всякий раз из его речей, что будто бы перед ним, Альфием, непостижимым каким-то образом виноват весь мир! Тогда уже примолкали все прочие участники маленького застолья. И лишь кивали по временам Альфию невпопад участливо... и недоуменно.

И вот однажды с преподавателем этим произошла неприятность.

Весьма серьезная.

И происшествие это положило начало цепи странных событий. И прекратились в результате визиты его к Суэни, как будто бы какие-то силы этой земли – мистические, непосюсторонние – пробудились, желая помешать сближению математика с этим домом. По крайней мере, сентенции приблизительно такого рода бубнили местные старики. И некоторым их бормотание не казалось глупостью, несмотря на то, что над подобными суевериями принято теперь лишь смеяться.

Потому что приключившееся с учителем не помещалось и впрямь ни в какие рамки.

Случилось так, что у происшедшего оказался только один свидетель. И то не с первых минут. И это был человек, о котором следует рассказать подробнее, поскольку он представлял едва ли не еще более примечательную личность, чем Альфий.

Он объявился на местном горизонте примерно за полгода до злоключения с математиком. (*Два вертолета назад*, сказали бы коренные жители, привыкшие исчислять время оказания единственного надежного средства транспорта, что связывает с большой землей.) И по профессии был художник.

Звали же его Велемир.

По крайней мере, такое имя подписывало холсты, им созданные. Возможно, это был псевдоним. Служители искусства склонны сочинять себе имена – какие-нибудь особенные, певучие – чтобы запоминаться посетителям выставок. А могут это делать и без резона. Что называется, «взбрела ему такая причуда»... А может быть художника и вправду так звали.

Известен Велемир не был, так оно или иначе: ведь он писал *странное*.

Подобное двоеточие требует пояснения. Времена изменяются, а речь о семидесятых, то есть о не особенно давнем, но все же *прошлом*.

Это в настоящее время живописец может рассчитывать на известность, если работы его диковинны. По крайней мере у него имеется шанс. А вот в эпоху соцреализма, которая современна описываемым событиям, все выглядело иначе. «Признание» приходило к тем, которые заставляли жить на своих полотнах то самое (или хотя бы *почти* то самое), что уже «признанные». Именно и лишь к тем.

Приличий ради пытались, впрочем, поддерживать впечатление, что будто бы и у нас открыта дорога всем дарованиям. Поэтому Велемиру удавалось иногда организовать выставку. Именовали ее, как правило, «Космическая фантастика», «Пейзажи иных планет» или еще как-либо соответственно клише, применяемому администрацией.

Художник не возражал. Он вправду был из таких, которым требуется некая *иная планета*... неподражаемое пространство... Кстати, – не как причуда. А это есть единственный для них способ удержать живое дыхание своей души.

Подобное умонастроение, может быть, и вдохновило этого художника отправиться в затерянное село, лежащее на берегу холодного моря у самого Полярного Круга. В намерения его входило жить в глуши столько, сколько позволят средства, полученные с продажи с последней выставки. И вот, согласовавши, что следует, он поселился в одном из домов поселка, которые пустовали. (Численность деревенского населения сокращалась и здесь, и даже еще быстрее, чем в средней полосе.)

Изба, которую облюбовал Велемир, отличалась весьма от прочих. Вдоль стен ее шла терраса, выступающая далеко в море. Северная стена жилища смонтирована была на сваях, и под окном, открытым в бесконечный простор, свободно гуляли волны.

Старые люди в селении говорили: этому строению на берегу не менее двух веков! Бывало, дом подгнивал и начинал крениться, но его подновляли и восстанавливали таким в точности, каков он был раньше. И связано это было с каким-то местным поверием... И старики еще присовокупляли: всегда, покуда обиталище это не стало брошенным, хозяином его был *шаман*.

Затем они подробно описывали, как совершал этот шаман причудливое служение свое. Он всякое полнолуние непременно выходил на мостки, окружающие дом с трех сторон. И пел, простирая руки к светилу ночи – тихо и заунывно, и долго... И будто ожидал какого-то известного лишь ему знака или же определенного часа. И вдруг, дождавшись, неуловимым движением опускал в море таинственную маленькую ладейку с яствами – подношение богам пены волн...

И точно так и художник, наследовавший на время здание, полюбил мостки. Он появлялся на них не только лишь в полнолуние, а и почти каждой ночью. А иногда и в светлое время суток видели Велемира, замершего, облокотясь на серебристо-белесый от вековых брызг деревянный поручень. Художник вглядывался в быстротекущие бело-серые небеса... или просто вдаль – туда, где сомкнуты это небо и это море.

И говорили о нем тогда: волны слушает.

И верно, Велемир слушал, как разбиваются тела волн о сваи под ногами его: вздох-плеск... и тихий приглушенный возвратный удар в настил. И рокот по сторонам, с которым нескончаемая череда водяных холмов обрушивается на каменистый берег... И мнилось вероятно тогда художнику: это проклинает океан сушу исконным глухим проклятием, не умолкающим ни на миг...

Новое место изменило некоторые обыкновения Велемира. Прежде ему нередко случалось проснуться поздно, притом и с головной болью. Но здесь его пьянил уже самый воздух своей хрустальной чистотой, и никаких дополнительных средств для приманивания муз не требовалось. И вскоре у Велемира вошло в обычай вставать до солнца. И даже это солнце встречать, ибо заревой час, которому покровительствует, как это полагали во время *о* но русские волхвы, утренняя звезда Мерцана, здесь так приглашал к прогулке!

Поселок был расположен у одного из концов дуги, по которой море вдавалось в берег. И нравилось художнику обходить весь этот залив, покуда рождался день, медленно истончались предрассветные сумерки.

Он видел что-то свое, неспешно тихо ступая рядом с полосой пены. Рассеяно наблюдая, как утренняя мелкая волна причесывают береговую гальку...

Особенно приглянулась художнику одна закрытая маленькая лагуна. Под скалами, почти что около его дома. И Велемир полюбил там ожидать первый луч, присев на выступающий в воду лобастый камень.

И это сделалось неизменной его привычкой. И разве только в очень ветренный или дождливый день художник не навещал это место точно перед рассветом.

2

Вот это был человек, который на удивление быстро сошелся с Альфием. Он этим изумил всех, кто сколько-нибудь успел его здесь узнать. И даже, повествуя о кошмарных событиях, последовавших в дальнейшем, присовокупляли обыкновенно: «и как они могли стать друзьями – такие разные?»

Но было это не столь уж необъяснимо. Различие ведь надо заметить; чтобы замечать что-либо, требуется *интерес*. А был ли Велемиру действительно интересен Альфий? В смысле – как своеобразный тип, как *душа*? Едва ли. Велемир не принадлежал к числу живописцев, у которых внутренние миры окружающих вызывают пристальный интерес. («Не может этого быть! – восклицает кто-то. – Само ремесло художника обязывает стремиться стать проницательным душеведом». Такое мнение весьма распространено, и все же – оно едва ли справедливо в большинстве случаев. Иначе бы направлений в живописи явилось гораздо меньше, чем их ко времени сему есть.) Художническое пристрастие у Велемира было совсем иным. К примеру, его до чрезвычайности занимали правила игры отсветов, которые дарит луч, преломленный легкой волной, донным камешкам... И все-таки притом художник был натура открытая. (Не столь уж редкое сочетание, между прочим.) То есть: он ощущал потребность в наличии собеседника, соучастника душевных своих движений. И более всего он ценил, конечно, собеседника-зрителя. Того, кто может обнаружить самостоятельное желание посмотреть холсты. А если он еще и вроде понимает в них толк... Вот с этой специфической точки зрения Альфий подходил нельзя лучше!

К тому же общества Велемира он искал сам. Доверие со стороны живописца льстило преподавателю, хотя он не признался бы в этом и самому себе.

И Альфий не упускал случая, чтобы их увидели вместе. К примеру, он при любой возможности приглашал Велемира посетить *Большой Дом*.

Так местные прозвали избу, которая служила в этой глуши подобием кабака то ли бара. Она и в правду превосходила размерами прочие строения в поселке. Дом не имел постоянного статуса питейного заведения, но обретал оный, как только вертолет подбрасывал соответствующий товар. А выбор был столь «богат», что не водилось за стойкою Большого иных напитков, нежели красное вино или водка. Но даже и эти два обнаруживались, как правило, только порознь. Поэтому в обиходе села установились особые выражения, таинственные для чужаков. От местных можно было услышать: «ого! в Большом-то нынче *белые дни*!» Или: «в Большом *дни красные*».

Вот именно последние – красные – радовали особенно Велемира и нового его друга. (Хотя по крайности они согласились бы на любой «цвет времени», лишь бы вообще оно *имело* его.) Учитель и художник ценили по достоинству сухое вино – напиток, способствующий зоркой беседе душ. И допускали употребление иного исключительно за не имением лучшего. При чем стараясь не достичь стадии, что порождает у собеседников лишь нечленораздельно-умильное бормотание... О чем же они беседовали? Да все о том же, что составляло постоянный предмет дискуссий интеллигенции того времени. (Не вообще всей тогдашней интеллигенции, разумеется, а «гнилой», «рефлексирующей»... а если точно перевести с позабытого уже теперь языка – *думающей* интеллигенции.)

Художник и учитель задавались вопросом: что это за государство, не доброе и не злое, но сделавшееся отчего-то таким, что добро и зло, два эти полюса бытия – жмутся боязливо и тихо к его окраинам? И почему случается при таком раскладе, что чутким, всепонимающим собеседником для добра оказывается чаще всего лишь зло? И говорили еще о многом, что было в те времена. Да, *было*... хотя и кажется теперь невозвратным, а потому – каким-то словно бы невозможным, почти не бывшим; смешным и преувеличенным...

Беседы эти несли отраду для Велемира. Ему казалось, почти всегда он обретал в Альфии духовного союзника своего. Но даже при невнимательности к вещам подобного рода художник чувствовал: сокровенное, питающее его душу – отнюдь не доступно Альфию. И Велемиру не приходило и в голову говорить с учителем, например, о камешках странной формы... оступающих на них *знаках*... о тех *сказаниях*, что повествуют волны своим равномерным гулом, когда простор океана уже ожил, уже светится – будто в предвосхищении утреннего луча.

Но Богу было угодно, чтобы Велемир встретил душу, с которой бы он *мог* беседовать и об этом.

Вы угадали.

Причем познакомил их – мечтательного художника и Суэни – сам Альфий.

Не столько и познакомил, правда, сколь отстраненно *продемонстрировал* ему девушку. Так можно посверкать в обществе массивным золотым перстнем, как будто бы невзначай.

Однако Велемир был... художник. Полутона и нюансы он мастерски различал, единственно, в цветовой гамме. Поэтому не прошло и нескольких дней, как зачехлил он все прежде начатые холсты и принялся воплощать новый образ, его увлекший: Суэни.

Немногое лишь еще столь располагает юную девушку к раскованному общению, как внимательное, заинтересованное перенесение на полотно её черт. И мало это сказать, к раскованному общению... – к тому чтобы, что называется, потерять голову!

Как быстро протекли несколько недель, за которые успел сотвориться мир, и пережил этот мир цветенье свое и зрелость, и кратковременное абсолютное торжество над всякими мирами иными... И Велемир подарил модели – в те дни почти что боготворимой им – завершенный холст.

И Суэни была сама не своя от радости – доселе ей едва знакомого чувства. Она была *без ума* – приевшееся до незаметности, но точное выражение! Она побежала сразу показывать драгоценный дар, бережно обернув его в старый плащ, учителю своему и *другу*, как она полагала... Альфию.

Не поспешим с печальной усмешкою превосходства мудрых, знающих жизнь. То было очень далеко от столиц... И, к тому же, Суэни исполнялось вскоре – шестнадцать лет.

Последний холст Велемира, Бог милостив, сохранился. Мне довелось его видеть. Представьте только стремительное хрупкое тело, как будто взлетающее из свинцовых волн!..

В молчании, пристальном и угрюмом, рассматривал творение сие математик. Затем, и более еще внимательно – и по своему обыкновению *не мигая* – вглядывался в оригинал.

И неожиданно похвалил работу.

Она давала к этому основания! Но все-таки такая реакция удивила слегка Суэни. Ведь не было еще случая, чтобы самолюбивый Альфий признал успех кого-либо за глаза.

Да впрочем, он и на этот раз высказал лишь *подобие* одобрения. «Это... заслуживает внимания». И вместе с произнесенной фразой запомнился Суэни особенный, как *целящийся* какой-то взгляд.

3

Мы несколько отвлеклись подробностями. Пора уже рассказать и про сам необыкновенный случай, свидетелем которого стал художник.

Что там необыкновенный – вот именно про такие и говорится: из ряда вон!

В тот несчастливый день Велемир встал рано, как и всегда по устоявшейся у него привычке. Восток еще лишь светлел, и черные оазисы мрака словно бы изрывали пещерами тело скал. Художник медленно шел по берегу рядом с колыхающейся широко лентой пены... Необычайный предмет пейзажа бросился в глаза сразу, как только Велемир подошел к лагуне. Темное пятно неопределенной формы покачивалось у выступающих недалеко в воду прибрежных крупных камней. Оно вздымалось и опадало в такт волнам.

Подбежав ближе, художник различил контуры человеческого тела.

Утопленник?

Или еще живой, но потерявший сознание человек, простертый на воде лицом вниз?

Художник и не заметил, как оказался рядом. Немедленно подхватил бесчувственное тело под мышки и освободил голову из воды, и голова неизвестного с вымокшими редкими прядями закачалась, безвольно свесившись.

Спеша и запинаясь о камни, оскальзываясь, Велемир повлек неожиданную находку к берегу. И вынес, и лишь тогда почувствовал обжигающий холод пропитавшей джинсы воды.

Художник повернул тело на спину, собираясь делать искусственное дыхание.

Перед ним лежал Альфий!

Художник был потрясен. И тем, что это был его друг, и степени плачевности положения, в котором тот оказался.

Какое-то время ум Велемира отказывался работать, и лишь натренированное *внимание* запечатлеvalo само разрозненные детали представшего перед ним зрелища.

Белые серпы глаз, оставленных закатившимися под лоб зрачками.

Промокший осклизлый ватник совершенно разорван... нет – *вспорот* на груди и правом плече! И сероватая вымокшая вата, перемежаемая нитями водорослей, ползет клочьями.

Как будто поработали какие-то гигантские ножницы!

Или...

Внезапно Велемир испытал неудержимое желание оглянуться.

Он резко выпрямился и посмотрел вокруг.

Нет, на берегу не было никого, кроме художника и бездыханного Альфия. И вообще не наблюдалось никакого движения ни на суше, ни в море, насколько можно было видеть в прозрачных, все более редяющих сумерках.

И лишь обрушивались на чернеющую в стремительной пене гальку удары волн.

Художник осторожно коснулся места на груди друга, где наиболее глубоко разошлась подкладка. И пальцы его руки стали темными. И он вскрикнул.

Художник был впечатлительный человек, но это не мешало ему, как правило, действовать соответственно обстоятельствам. С трудом, но он сумел поднять неподвижное тело на руки и с ним направился к дому.

И в этот миг явился край солнца.

Если бы Велемир скосил взгляд – он изумился бы, вероятно, какая странная сопутствует ему тень.

Художник внес тело в дом, и уложил его, не подающее никаких признаков жизни, в комнате на постель. Затем он определил, что хотя бы пульс, слава Богу, бьется, и после этого замер, будучи в нерешительности.

Лоснящееся багровое пятно занимало всю правую половину груди учителя.

Оно как будто гипнотизировало, не отпуская взгляд.

По-видимому, скрытая под одеждой рана продолжала кровоточить – вокруг по простыни расплзалась все увеличивающаяся область алого. Необходимо было как можно быстрее наложить повязку. Для этого требовалось сначала освободить Альфия от лохмотьев искромсанной одежды, обнажить повреждение.

Художник распахнул шкаф, где хранил аптечку. Стремительно выхватил из-под груды таблеточных облаток, с шорохом разлетевшихся по всему полу, большие ножницы. У них были широкие острые лезвия. С их помощью Велемир надеялся произвести приготовления к перевязке быстро, не причинив дополнительного страдания.

Склонившись над распростертым телом, он вздрогнул.

Глаза учителя, лишь несколько мгновений назад безжизненные, закаченные под лоб – смотрели теперь в упор. Цепко и *изучающе*, как это показалось тогда художнику.

И в следующий миг Альфий, будто пружина, высвобожденная случайно, взвился с постели. Теперь его глаза были раскрыты неимоверно широко и блуждали, вид был безумен.

– Не-е-ет! – завизжал он вдруг, и одновременно с этим истерическим воплем ударил резко и больно художника по руке, что держала ножницы.

Лезвия просверкнули в воздухе.

Оттолкнув друга, учитель повернулся к двери и пулей вылетел вон, с грохотом опрокинув в сенях жестяную шайку.

4

Весь этот день художник не выходил из дому. Под вечер он задремал, но сразу же в оконное стекло стукнул камешек. А через некоторое время другой – кто-то стремился привлечь внимание его.

Нехотя Велемир поднялся и отмахнул тонкую занавеску. Шагах в двадцати от дома, ссутулившись, стоял Альфий. Он будто бы хотел сделаться незаметным, укрыться меж низкорослых кривых берез.

Учитель подавал знаки, чтобы художник вышел. Но замотал головой, когда Велемир, в свою очередь, сделал приглашающий жест и кивнул на дверь. *Ты, ты выйди* – требовали жесты стоящего за окном. И он при этом боязливо оглядывался, то приближая палец к губам, то складывая, просительно-умоляюще, у груди руки.

И наконец Велемир поддался немой мольбе.

Альфий вел, точнее же сказать, *тащил* его по тропинке, указывая на виднеющийся вдали Большой Дом.

«Быстрее! Я объясню все позже». Не обращая внимания на попытки художника расспросить его, мрачный и напряженный, Альфий не проронил по дороге затем ни слова.

Народу в заведении собралось в тот вечер немного, как и всегда. Местные предпочитали проводить время в кругу семьи или друг у друга в гостях. Но Альфий, проявляя какую-то маниакальную осторожность, выбрал для предстоящего разговора столик, стоящий наиболее далеко от стойки, к тому же прячущийся в тени.

Присаживаясь, он расстегнул меховую куртку. Вместо рубашки с галстуком, ношением которого в глуши учитель весьма гордился, под курткой обнаружился бинт. Полосы этого бинта, грязно белые, намотанные беспорядочно и неровно, стягивали Альфию грудь и горло. Широкое кровавое пятно проступало там, где шея переходит в плечо.

– Помнишь неприятный разговор, что был у нас неделю назад? – произнес Альфий тихо, опасливо оглянувшись. И все дальнейшее он говорил полупшепотом, и близко наклонясь к художнику через стол.

– Тот разговор затеял ты сам, и он касался моего поведения. Тогда ты меня застал – помнишь? – за невинной забавой, помогающей снимать стресс... Понимаю, «стресс» – пустое для тебя слово. Но это было б не так, если бы ты вел жизнь, подобную моей, друг... то есть – если бы ты *работал*. Поприще воспитателя подрастающего поколения, доложу, не сахар! Ты только представь: неделю за неделей, месяц за месяцем пытаешься вдолбить прописные истины в головы записных тупиц. Бьешься, словно рыба об лед... и постепенно в тебе нарастает желание что-нибудь сломать, разорвать на части! Я думаю, лучше рассекать моей палкой панцири мелких крабиков, бегающих под водою между камнями, чем... Вот, ты и застукал меня на берегу во время этого небольшого охотничьего развлечения. Ты мне тогда сказал: «мерзкий, мелкий садист». И не удосужился объяснить, кстати, чем же приятнее садист *крупный* – охотник в общепринятом смысле слова? Тем ли, что изживает *свой* стресс, отыгрываясь на оленях или медведях? Впрочем – все это ерунда, *слова*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.